

Багичева Н.В.
Екатеринбург, УрГПУ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИССОНАНС В ПОСТИЖЕНИИ ОРФОГРАФИИ

Общим местом в практике преподавания русского языка стало утверждение о том, что орфографическая грамотность детей неуклонно падает. Настолько общим, что уже и не обсуждается. Мы как-то начинаем привыкать к орфографическим ошибкам в рекламе, к результатам ЕГЭ по русскому языку, к безграмотной речи звезд и политиков. Более того, сами в смс-сообщениях и в «аське» пишем *щас, пасиба, каза* и т.п. Не спорим с веянием времени (и экономим деньги на смс!), так сказать.

Есть что-то более важное, что нас беспокоит. И это уже не то, что десятиклассник проверяет безударную гласную в корне слова *воплощать* словом *плащ*, а то, что слово *воплощать* для него значит «надеть плащ», а слово *бандероль* обозначает «что-то плохое, связанное с бандой и бандитами». И последнее ему понятнее, потому что про банды он слышал и слышит каждый день из передач и кинофильмов, а бандероль он никогда не видел. Или взять другой случай: одиннадцатиклассница не может прочитать прилагательное *ржаной*, так как ее смущает неправильное, по ее мнению, окончание и ударение: *ржАн^{ый}* должно быть, считает она, или хотя бы *ржАвый*. Словосочетание *ржавый хлеб* ее не удивляет ничуть. На вопрос, из чего делают ржаной хлеб, она отвечает: «Я не знаю, я хлеб не ем». И это *хорошие дети* (по терминологии школьных учителей, то есть из благополучных семей, учащиеся без «троек»), они правильно вставляют в тесте ЕГЭ пропущенные буквы в словах *авангард, благоденствие, благословение, вернисаж, вестибюль* (Самое полное издание типовых вариантов заданий ЕГЭ: 2012: Русский язык. – М.: АСТ: Астрель, 2011), беда только в том, что объяснить значения этих слов они не могут даже приблизительно. Более того, не испытывают потребности.

Куда же исчезает с возрастом у нынешних детей способность – и потребность! – объяснять себе значение употребляемых и употребительных слов, отыскивать их внутреннюю форму? Ведь это и их малолетних К.И. Чуковский называл «величайшими умственными тружениками» (Чуковский: 1968, 29)! Хочется, конечно, в очередной раз спросить *что делать и кто виноват*, но только понимаешь, что ответ предсказуем, традиционен и правилен лишь отчасти: *семья, школа и ЕГЭ*.

Попробуем взглянуть на проблему с другой стороны.

Последнюю четверть века русский язык меняется настолько быстро, что мы порой не успеваем не только усваивать значения некоторых новых слов, но и сами эти слова не успеваем разглядеть в потоке (правильнее будет сказать: шквале) обрушивающейся на нас речи. Не успеваем ни *разглядеть* и *запомнить*, ни *найти* и *обезвредить*.

Обеспокоенность за судьбу языка время от времени «пандемически» поражает все слои населения. Она подобна постоянно мутирующему вирусу гриппа: то птичий, то свиной, то с ударениями нелады, то с переносом, то иностранные слова заедают, то *превед* от *медвед* (вот только этого *исчо* нам и не хватало!).

В постоянном раздражении филологи: устали объяснять, что слухи о смерти языка сильно преувеличены и несколько преждевременны. Самое главное: спокойные аргументы никто не слушает (*учить и лечить нас не нужно учить!*), а эмоции только подхлестывают общий ажиотаж.

В постоянном напряжении учителя. К вечным вопросам: *Чему учить их, если они и так больше нашего знают, и как учить, если они ничего не читают?* - и к не менее вечным проблемам *жаргонных слов и русского мата* добавилась проблема языка в интернете: *Что такое язык в интернете, если это не только издевательство над орфографией? Как в интернете правильно писать АФФТАР ЖЖОТ или АФТАР ЖЖОТ? А ведь надо еще решить, как в реале писать слово РИЭЛТОР-РИЭЛТЕР-РИЕЛТОР-РИЕЛТЕР? Что вообще значит это слово? И если достанет сил, то еще и уточнить, слитно или раздельно что-то там писать* (Багичева: 2010).

При ближайшем рассмотрении выделяется несколько проблем: взаимодействия сленга и других жаргонов с литературным языком; употребления бранных слов *на поле брани* и вне его; употребления заимствований, в которых присутствует какая-то *трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны*; притяжения языковой свободы, которая *способствует творчеству и делает речь более выразительной*; необходимости изменения орфографии в реальной жизни и *яростной порчи орфографии* в интернете; становления электронного этикета и утверждения норм русского языка Правительством РФ (Кронгауз: 2009).

Как отмечают некоторые лингвисты, сегодня мы все живем в условиях новой коммуникативной стратегии – стратегии неполного понимания. Огромное количество новых

предметов и явлений и появляющихся вместе с ними новых слов не успевают «перевариваться» нами: кто может точно сказать, что такое МР4? Что значит *такой формат*? Чем айфон отличается от айпада? от айпада? Так ли важно все это знать? В целом-то я ведь понимаю, о чем идет речь! Может быть, потому что «мы сейчас не создаем общественные, профессиональные и культурные отношения, а, скорее, заимствуем их вместе с соответствующими словами, то есть живем в условиях трансляции чужой культуры» (Кронгауз: 2009), мы и не ищем смысла в словах, а воспринимаем их несколько формально, просто как обозначение появившегося неведь как работающего устройства, неведь как называющегося. Денотат имеет для нас большее значение, нежели его название.

Наши дети, живущие в тех же условиях, заполняют свое информационное поле множеством *вроде бы в целом понятных* слов и, усваивая стратегию неполного понимания, переносят ее на освоение и учебного материала. Тест ЕГЭ – это только тест, для достижения нужного результата надо всего лишь правильно вставить пропущенные буквы. Поэтому где-то проверим, где-то, как нам кажется, проверим, а где-то угадаем (если не слово целиком, то хотя бы букву!). Определенно, происходит разрыв формы и содержания, а вместе с тем и появляется семантический диссонанс.

Термин *семантический диссонанс* мы заимствовали из теории концептов. Концептуальный диссонанс – это «полный или частичный срыв коммуникации, вызванный различием ассоциативных связей между концептом и языковой единицей в сознании коммуникантов. При семантическом концептуальном диссонансе ошибочная интерпретация той или иной языковой единицы делает адресата неспособным адекватно извлечь информацию из высказывания адресанта» (Слышкин: 2004, 37). При обучении орфографии подобный семантический диссонанс может проявить себя трояко: во-первых, ребенок не может применить правило в силу того, что не понимает некоторые слова, входящие в само орфографическое правило (Багичева: 2011); во-вторых, с пропущенной в тесте буквой не может опознать слово; в-третьих, ребенок не знает значения слова. Стремясь декодировать написанное, ученик пытается «этимологизировать лакунарную языковую единицу, понять ее внутреннюю форму», а в результате в его сознании актуализируется значение, не соответствующее реальному: *Честолюбие – это значит любить чистоту; Утварь – это мертвое животное, потому что про человека ведь не скажешь: «У!тварь!»; Кучевые облака – чьи облака? это притяжательное прилагательное, потому что суффикс -ев-. Нет, я не знаю, что такое кучевые облака. А еще какие – пЕрьевые? Тоже притяжательное прилагательное, здесь суффикс –й-, как Вы рассказывали.* Вот так и получается: «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь»...

На наших глазах стремительно меняются способы обретения информации, главным (а для некоторых – единственным) из которых является интернет. Сколько раз каждому преподавателю приходилось слышать от студентов, что задание не выполнено, потому что *в интернете этого нет*. Интернет становится нашим основным коммуникативным партнером.

Что же нам делать для преодоления семантического диссонанса не только при изучении орфографии, но и в обыденной жизни? Больше разговаривать с детьми. Ведь ни из одной образовательной программы не изъяты задачи по формированию словаря обучаемого. Не надо думать, что, если ребенок не задал ни одного вопроса при чтении ему сказки А.С. Пушкина, он прекрасно понял, что такое *парчовая на маковке кичка*. Или что он с первого раза запомнил слова-исключения *изгарь* и *выгарки*. У многих из нас в голове нет-нет да и возникнут заученные в школе *кованый* и *жёваный*; *оловянный*, *стеклянный* и *деревянный*; *брить* и *стелить* и пр. Только вот грамотными эти знания сделали не всех... *-таки, -ка...*

Литература

Багичева Н.В. В преддверии орфографической грамотности // Филологическое образование в период детства: речевое развитие ребенка: сборник материалов по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Содержание филологического образования в период детства», Екатеринбург, 19–20 апреля 2011 г. /Урал.гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2011. – 199 с. С. 49-54.

Багичева Н.В. Любовь к русскому языку и беспокойство за него //Филологический класс. №23. – Екатеринбург, 2010. С.71-73.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 2-е изд., стер. - М., 2009.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты: Монография. – Волгоград, 2004.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. – М., 2000.

Чуковский К.И. От двух до пяти. Живой как жизнь. – М., 1968.